

УДК 821.161.1

DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-2-93–96

К.К. Джафарова

История и теория литературы в поздней публицистике Гоголя

Дагестанский государственный университет; Россия, Республика Дагестан, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а;

Дагестанский государственный университет народного хозяйства; Россия, 367008, г. Махачкала, ул. Дж. Атаева, 5; zanita_kam@mail.ru

В статье рассматривается своеобразие эстетических воззрений Гоголя в поздний период его жизни и творчества (в сороковые годы). Историко-литературные и эстетические взгляды, литературная критика писателя, изложенные в «Учебной книге словесности для русского юношества» и «Выбранных местах из переписки с друзьями», свидетельствуют о серьезных изменениях в его взглядах на значение литературного творчества.

Обращается внимание на особый интерес Гоголя в данный период к русской литературе XVIII века. Становление новой литературы, принципиально новая система жанров, творчество наиболее выдающихся представителей русской литературы восемнадцатого столетия – эти вопросы исследуются Гоголем в поздней публицистике, что свидетельствует о стремлении писателя понять закономерности исторических и эстетических путей развития искусства слова в России и выработать новый тип словесного искусства.

Ключевые слова: *литература, жанр, лирика, эстетика, автор.*

Позднее творчество Гоголя, как и весь последний период его жизни и сама смерть, уже долгое время представляет собой загадку и предмет споров для литературоведов, критиков и просто читателей. По-прежнему вызывают живой интерес вопросы: как и зачем был сожжен второй том «Мертвых душ»? Почему в конце жизни писатель отрекся от всего написанного прежде, от произведений, признанных шедеврами современниками? Эти факты творческой биографии Гоголя свидетельствуют о его особых взглядах на литературу и ее предназначение. И дело здесь не только в постоянном гоголевском стремлении к совершенству, в его художнической требовательности. Работы и письма писателя второй половины сороковых годов говорят нам о новом этапе развития эстетического мировоззрения писателя.

В научной по своей установке работе Н.В. Гоголя – «Учебной книге словесности для русского юношества» – среди «эталонных», образцовых для автора наглядных примеров воплощения охарактеризованных жанров значительное место занимают произведения авторов XVIII века – Державина, Ломоносова, Капниста, Нелединского-Мелецкого, Дмитриева. Несмотря на то, что Гоголю было во многом близко свойственное классицизму строгое чувство жанровой формы, представления его о конкретных жанрах, их границах, иерархии не совпадали с классицистическими. В качестве примеров образцовых идиллий в «Учебной книге...» не названо ни одной идиллии XVIII века, только среди эклог встречается стихотворное произведение И.И. Дмитриева «Ермак», жанр которого до сих пор определяется по-разному – «стихотворение», «поэма», «драматическая поэма», «историческая баллада».

Само обращение к категории жанра в качестве основной единицы рассмотрения и классификации словесного искусства сближает автора с литературой и эстетикой XVIII века, прежде всего, конечно, с классицизмом, в котором понятие жанра находилось в самом центре теоретических построений, на пересечении со всеми базовыми уровнями литературного целого: языком, стилем, содержанием. Вся теория жанра была настолько подробно разработана и жестко нормирована, доведена до определенного логического конца, что после классицизма оставался один путь – пересмотр и деконструкция прежних жанровых представлений и всей системы жанров. Гоголь создает «Учебную книгу...» после того, как уже прошел в своем творчестве этот реформаторский путь: написаны все его лучшие художественные тексты, в которых были преодолены не то что классицистические, но и просто устоявшиеся жанровые традиции. И «Арабески», и «Ревизор», и «Мертвые души» представляют собой новые, ранее не существовавшие формы – продукт жанровых экспериментов. Закономерен вопрос: зачем этот научный и почти ученический разбор жанров? Можно предположить, что такой подход был обусловлен в том числе и необходимостью обобщения прошлого опыта в процессе нового творческого эксперимента – книги «Выбранных мест...».

Наверное, в основном авторов ушедшего века имел в виду Гоголь, когда писал в «Выбранных местах...»: «Чтение наших поэтов может принести много публичного добра. У них есть много прекрасного, которое не только совсем позабыто, но даже оклеветано, очернено, представлено публике в каком-то низком смысле, о котором и не помышляли благородные сердцем наши поэты» [1, с. 235]. Подобное отношение к не столь далекому прошлому – это трезвый взгляд зрелого человека и художника, который может себе позволить «реабилитировать» немодных и слегка забытых авторов. Отчасти это напоминает хорошо известный эпизод из биографии А.С. Пушкина, когда он (друг арзамасцев) пришел к П.А. Катенину (близкому к шишковистам) со словами «Побей, но выучи!». А в феврале 1826 г. Пушкин писал Катенину: «Голос истинной критики необходим у нас, кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление... Многие (в том числе и я) много тебе обязаны; ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли» [2, с. 225]. Здесь даже буквальное совпадение в словоупотреблении, слово «односторонность» регулярно встречается в высказываниях Гоголя. Мы знаем, как часто он предостерегал от односторонности, в том числе и в «Выбранных местах...», где целая глава посвящена этой проблеме.

Этот своеобразный возврат писателя к «архаике» был обусловлен не только отказом от всяческой предвзятости, но и самим замыслом этой книги. Чередуя в переписке эстетические темы с другими – этическими, экономическими, социальными, Гоголь сплетает сложный, но ритмически организованный смысловой узор в этом оригинальном и сложном в композиционном отношении произведении. «Постройка» и содержание гоголевских высказываний указывают на стремление осознать значение литературы и отобразить глубокие связи между искусством и другими сферами действительности.

«Выбранные места...», по общему мнению [3–7], представляют собой целый переворот в творчестве Гоголя. Это произведение стало примером нового типа искусства, результатом сложных эстетических и нравственных поисков писателя, для которого главный вопрос – это вопрос, вынесенный даже в названия двух глав, о «существо» своего дела – искусства слова. Речь в первую очередь идет о главе IV «О том, что такое слово» и о главе XXXI «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность», предпоследней в сборнике статьей «Воскресение». Показательно, что имен-

но в этих главах содержатся глубокие характеристики авторов XVIII века и всего литературного процесса этого времени. Примечательно и то, что одна из глав «Учебной книги...» названа почти так же: «Что такое слово и словесность». Весь этот труд в целом представляет собой, как известно, часть грандиозного гоголевского замысла по систематизации и описанию литературных родов и жанров. Очевидно, что Гоголю в 40-е годы было необходимо найти внутренние опоры, рациональные и нравственные, и в этом процессе личного самоопределения было неизбежно обращение к истокам и становлению современной ему русской литературы, а следовательно, и к феномену русского XVIII века – эпохи, когда прервалась многовековая национальная традиция и родилась новая.

Литература

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений / ред. Н.Ф. Бельчиков, Б.В. Томашевский; АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). Т. 8. Статьи. – М., 1952.
2. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 9. 1962.
3. Вяземский П.А. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. – М., 1982.
4. Григорьев А.А. Гоголь и его последняя книга «Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века» / подгот. текста, сост., вступ. ст. и примеч. В.К. Кантора и А.Л. Осповата. – М., 1982. – С. 106–125.
5. Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом аспекте. – М., 2021.
6. Мочульский К. Духовный путь Гоголя. – М., Берлин, 2017.
7. Последняя книга Гоголя: сборник статей и материалов / сост. И.Р. Монахова, И.П. Золотусский; предисл. И.П. Золотусского. – М.: Русский путь, 2010.
8. Манн Ю.В. Гоголь. Книга третья. Завершение пути: 1845–1852 годы. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РГГУ, 2013.
9. Воронаев В.А. Нет другой двери... О Гоголе и не только. – М., 2019.

Поступила в редакцию 4 декабря 2020 г.

UDC 821.161.1

DOI: 10.21779/2542-0313-2021-36-2-93–96

History and Theory of Literature in Gogol's Late Publicism

K.K. Dzhaifarova

Dagestan State University; Russia, Republic of Dagestan, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a;

Dagestan State University of National Economy; Russia, 367008, Makhachkala, Jamalutdin Atayev st., 5; zanita_kam@mail.ru

The article examines the originality of Gogol's aesthetic views in the late period of his life and work (in the forties). The historical, literary and aesthetic views, literary criticism of the writer, set out

in the "Educational book of Literature for Russian youth" and "Selected places from correspondence with friends", indicate serious changes in his views on the meaning of literary creativity.

The attention is drawn to Gogol's special interest in the Russian literature of the XVIII century in this period. The formation of a new literature, a fundamentally new system of genres, the work of the most outstanding representatives of Russian literature of the eighteenth century – these issues are explored by Gogol in late journalism, which indicates the writer's desire to understand the patterns of historical and aesthetic ways of developing the art of speech in Russia and to develop a new type of verbal art.

Keywords: *literature, genre, lyrics, esthetics, author.*

Received 4 December 2020